

Б. К. МАНТЕЙФЕЛЬ

Топография древнего Новгорода, а равно и точное местоположение его внешних оборонных сооружений являются вопросами, еще далеко неразрешенными. Автором были произведены предварительные обследования и обмер остатков фундаментов башен на городском валу. Обмер этих фундаментов может принести пользу в установлении достоверности планов и изображений древнего Новгорода. С другой стороны работу эту необходимо было провести потому, что с каждым годом следы башен исчезают, зарастают густым растительным покровом, вал оползает и т. д.

Из литературных источников мы узнаем, что в XIV в., а именно в 1391 г., из Софийской казны было взято 10 000 руб., на которые и были поставлены „каменные костры у каждой улицы по обе стороны острога“. Острогом называлась каменная стена, шедшая поверх земляного вала, костром — башня. Костер по сторонам острога нужно понимать как башню во всей толще вала, со сквозным проходом через нее.

Изображения башен внешнего городского укрепления имеются на некоторых планах и в церковной живописи Новгорода. Из последних известностью пользуется так называемое „знаменское изображение“, писанное в XVII в., а из более точных планов мы имеем копии с плана Новгорода 1611 г., подлинник которого находится в Шведском королевском военном архиве.

На Торговой и Софийской сторонах города имелось по 19 башен или костров. Относительно материала башен точные данные нам известны только для Торговой стороны. В 1696 г. эта часть Новгорода почти вся погорела и в современных пожару документах указывается, что правая (восточная от Волхова) сторона города имела 3 каменных башни и 16 деревянных. Фундаментом для последних, как выяснилось, служили такие же глыбы известнякового плитняка и камни (валуны), как и для каменных. Для Софийской стороны 19 башен насчитываются на ука-

занном выше шведском плане 1611 г. Это же число имеется и на знаменском изображении.

Обследование вала и обмер оставшихся следов башен нами был начат с Торговой стороны, от церкви Бориса и Глеба.

Основание первой башни обнаружилось на расстоянии 332 м от Красной улицы. Это — скопление отдельных камней и колотых глыб известняка, выступавших на небольшом участке вала; обмерить их точно не представлялось возможным. Они указали на прилагаемом схематическом плане под № 1. Распавшиеся от времени плиты ракушняка являются здесь верным доказательством, что перед нами остатки фундамента башни.

Продвигаясь по валу далее к югу, находим второй фундамент костра (№ 2), в 170 м от № 1, представляющий собой подобную же картину отдельных камней и тесаных глыб известняка. Границы стен башни установить не удалось и здесь, а следовательно и сделать обмеры.

Обследование основания третьей башни дало уже более благоприятные результаты: башня стояла в 58 м от современной Красной (Б. Андреевской) улицы, продолжением которой служит дорога на Рождественское кладбище.

Нужно своевременно заметить, что при всех измерениях, производившихся для точного определения местонахождения той или иной башни, промеры брались от обреза дороги (обочины). Обмеры фундамента башни дали здесь (№ 3) 9 м по ребру. Необходимо добавить, что как в этом случае, так и во всех последующих, точные размеры можно было брать только вдоль линии вала; в поперечном сечении вала границы фундаментов почти всегда стерты: они оползли, покрыты толстым слоем почвы, растительностью и т. п. А потому точно установить наружную линию фундамента или нижней части башни возможно только в редких случаях.

Следующая башня, отмеченная на плане под № 4, идет уже к югу от Красной ул., близ нее, всего в 11 м. от правого обреза дороги. Здесь опять нет четких границ, а потому по отдельным выступающим остаткам фундамента трудно определить подлинные размеры древнего сооружения.

В отношении двух последних фундаментов возникает вопрос, имеем ли мы перед собой две самостоятельные башни или обнаруженные каменные остатки, при общем их протяжении (включая и ширину дороги) в 80 м, представляют собой так называемый острог или каменную стену, на которой и высилась башня с проездом, упоми-

наемая в летописи под названием Молотковской. Ниже, при рассмотрении № 11, мы увидим, что подобное допущение может быть вполне правдоподобным (особенно в отношении длины острога).

Пройдя на этом же отрезке вала еще 122 м и миновав Никитинскую улицу, мы обнаруживаем фундамент следующей башни (на плане — № 5), имеющей продольный размер в 9,5 м, легко устанавливаемый. По краям вала, от южной линии фундамента, идут два узких каменистых отростка, оставляя поверхность вала, заключенную между ними, свободной от кладки из камней и известняка. На том же отрезке вала, в 60 м от северного берега Федоровского ручья, имеется еще один фундамент башни (№ 6), легко доступный для обмера и имеющий по поперечной стороне 9 м.

По другую сторону Федоровского ручья, в расстоянии 15,5 м от его южного берега (берется в обоих случаях весенняя береговая линия), на склоне вала, обращенном к полю, под осыпающимся слоем почвы, обнажились тесаные глыбы ракушняка, представляющие собой несомненный фундамент башни. Восточная сторона вала, с этим обнажением, позволяет сделать точный обмер ребра, который дает 9 м (на плане № 7).

Идя далее по валу, мы проходим — сначала узкий, в глубину не достигающий основания вала, пролом, а затем обнаруживаем следы следующей башни (№ 8) против Рогатинского переулочка, во втором, глубоком, проломе. Эта башня и носила в древнем Новгороде название Рогатинской.

Упомянутый сейчас пролом несколько напоминает известный пролом в конце улицы Желябова (прежде Прусской ул.), где в 1933 г. летом краеведами производилась археологическая разведка. Он только меньше последнего, уже его и не имеет столь хорошо сохранившихся остатков стен (ворот). Обмер фундамента, начиная от наружных его сторон через разрез вала, дал протяжение, равное 11 м.

Еще дальше к югу, не доходя 15-ти м до улицы Большевиков (прежде Рогатинской), мы наталкиваемся на следующий менее глубокий разрез вала и в нем находим фундамент башни № 9. Он хорошо сохранился, сильно обнажен и после небольшой работы по его очистке стал доступен для точного обмера, который показал длину, равную 10 м (считая от наружных границ через пролом).

Следующая башня (по плану № 10) находилась в 22 м к северу от имеющегося сейчас последнего неглубокого

пролома вала, недалеко от ул. 1-го Мая (бывш. Спасской ул.). При обмере сторона, как и в № 7, дает 9 м. Беря толщину стены в 0,8 м (каковую кой-где возможно проследить), мы получаем внутреннюю площадь башни округленно равную 53 кв. м, если предположить, что в своем периметре башни имели форму квадрата.

Следующим, наиболее интересным, объектом оставшихся следов оборонных укреплений города является хорошо прослеживаемое основание большого острога или стены, находящееся против упомянутой выше улицы, меньшей частью к северу от нее, а большей — к югу (против улицы неглубокий прогиб вала). Этой стеной в настоящее время собственно и кончается вал на Торговой стороне, так как идущие далее (к водопроводу и электростанции) отрезки вала представляют собой совершенно незначительные, без всяких остатков камня, холмики, сравнивающиеся на большом протяжении с поверхностью дуга. Указанная стена имела следующие размеры: длина — 70,5 м, ширина 5 м.

Далее, между улицами К. Либкнехта и Р. Люксембург (прежде Николаевской и Нутной), вал совершенно отсутствует и только немного южнее Нутной ул. имеется небольшой участок вала, низкий, осевший. В нем, в 22,5 м от его южного конца, можно видеть еще груду камней и ракушняковых плит в небольших обломках (№ 12), которые указывают на то, что здесь была когда-то грозная для своего времени башня. По словам В. С. Передольского, в середине XIX столетия здесь еще были солидные остатки костра.

Таким образом, на Торговой стороне города удалось найти по валу следы одиннадцати, а если №№ 3 и 4 представляют собою один объект, то десяти башен. План 1611 года имеет неясную сеть улиц, а потому довольно трудно точно определить, какие башни исчезли бесследно, не оставив до настоящего времени никаких выходов своих фундаментов.

К югу от Федоровского ручья по плану числится 9 костров. Обследованием обнаружено только 6 (включая сюда и стену) фундаментов. Правда, сюда нужно добавить еще одну башню, на которую в конце прошлого столетия указывал тот же Передольский. Он говорил, что еще было видно основание так называемой Славенской башни на юго-восток от Ильинской церкви. Сейчас в указанном месте найти какие-либо следы башни невозможно, так как и самого вала здесь не существует.

Кроме этой последней в летописи есть указание на Павлову башню, находящуюся против современного окон-

чания Посольской улицы. Если приять во внимание эти только что упомянутые башни, то выходит, что нам не удалось в южном участке обнаружить следов одной только башни.

Из девяти башен, идущих на плане к северу от Федоровского ручья, найдены следы 6 башен (или 5, если №№ 3 и 4 представляют собой один острог). Но здесь еще нужно иметь в виду, что вал Торговой стороны вообще, не только по склонам, но и сверху густо покрыт сплошным травянистым покровом и только кое-где по нему слабо протоптаны узкие тропинки. Особенно густа растительность на участке от церкви Бориса и Глеба до Евфимьевской улицы, а это лишало возможности обнаружить следы фундаментов, хотя попытки прошупать нижележащие слои и делались. Необходимо дополнительно провести обследование, прошуывая с помощью лома или большой кирки земляной вал через каждые 3—4 м. То же нужно сделать и на участках с большими „пустыми“ пространствами, лежащими между одной обнаруженной башней и следующей от нее.

На Софийской стороне города вал почти на всем своем протяжении полностью обнажен сверху, по всей ширине, что создавало более благоприятные условия для работы. Травянистая поросль отмечена только для двух участков вала: первый от Волхова до Зверинской улицы, второй — от улицы Бебеля (Мало-Власьевской) до Пролетарской (Троицкой) дороги, что у „Белой“ башни.

Возвращаясь снова к Торговой стороне, мы должны в заключение сказать, что 19-ая башня на плане 1611 г. показана стоящей на самом Федоровском ручье. Быть может тогда фундаменты № 6 и № 7 являются окончаниями длинной, протяжением около 100 м, стены, по середине которой была башня. Если это так, то необнаруженными остаются только 2 башни.

Как было уже упомянуто, обнаженность верхней части вала на Софийской стороне сильно облегчала поиски остатков фундаментов. Обследование было начато также с севера на юг, от Волхова.

Из 19 башен здесь удалось найти 13, или, быть может, только 12 (см. ниже). Вернее, здесь нужно исходить из числа не 19 башен, а 18, так как одной из указанных 19 является ныне существующая „Белая“ башня, называемая Алексеевской, по имени церкви, которая стояла недалеко от башни в теперешней Троицкой слободе, на том месте, где лет 10—12 тому назад была небольшая деревянная часовня.

Несмотря на тщательный просмотр участка вала, который начинается близ берега Волхова и обрывается у дороги на Зверинскую улицу, обнаружить ничего не удалось. Одной из причин этого может быть толстый слой почвы с густым травянистым покровом.

Первые остатки фундамента башни открываются в углу вала к северу от названной улицы (№ 13). Это — отдельные камни и глыбы, ввиду чего обмер невозможен. На этом втором участке вала, наиболее хорошо сохранившемся (вообще вал Софийской стороны более мощный и высокий) и заканчивающемся у Ленинградской улицы, имеются уже два выхода фундаментов.

Первый — напротив западного обреза дороги Тихвинской улицы — сохранился хорошо и вполне доступен для обмера: основание этой башни имело 9×9 м (на плане № 14). В 8 м к югу на поверхности вала снова обнажаются камни и известняк (№ 15). Самостоятельная башня вряд ли здесь могла быть, так как расстояние между ними слишком незначительно. Вернее предположить, что №№ 14 и 15 представляют собой фундамент или нижнюю часть каменной стены. Южная стена башни № 14 отстояла от современной Ленинградской улицы на 430 м.

Перейдя Ленинградскую улицу и начиная отсчет от южного обреза мостовой, на расстоянии 90,5 м, мы подходим к следующей бывшей башне против южной линии Мало-Конюшенной улицы. Хотя остатки фундамента здесь ясно видны, все же основание башни точному обмеру недоступно (№ 16). На расстоянии 23 м мы вновь встречаем группу камней, которые опять-таки обмерить не удастся, так как не отыскать более или менее точно наружные границы основания башни, хотя бы в 2—3 точках (№ 17).

Против Средне-Конюшенной улицы на расстоянии 212 м от № 16 находится хорошо сохранившаяся кладка фундамента следующей башни (№ 18). Сторона башни здесь равна 10 м.

Фундамент башни № 19 обнаруживается за Лучинской улицей, на расстоянии 33 м от упомянутого выше. Для измерений он вполне доступен и дает ту же величину — 10 м по ребру. С южной стороны фундамента, от середины его, легко прослеживается остаток (из того же материала), длиной около 2 м, шириною в 1,5 м. Что он из себя представлял, сказать сейчас трудно.

Следующий № 20 является частью фундамента, хорошо обнаженной только на внутренней, восточной отлогости вала, а потому и недоступной для точного обмера в целом.

От предыдущего фундамента эта груда выступающих камней и известняка отстоит на 84 м и находится недалеко от Советской (Легощей) улицы.

Перейдя дорогу этой улицы, вернее дорогу, ведущую к вокзалу, мы на обресе следующего участка вала при тщательном осмотре его обнаруживаем опять отдельные выступающие из земли камни (главным образом с наружной стороны вала). Проследить их удастся от начала вала по направлению к югу на расстоянии 11 м. При более тщательном обследовании, путем вскрытия хотя бы тонкого слоя поверхности вала (узкой траншейкой), возможно, что разрушенный фундамент обнаружится и дальше. Тогда в данном случае мы будем иметь перед собой не башню, а каменную стену (№ 21).

Обследование широкого пролома вала у улицы Л. Толстого (Чудинской) не дало никаких следов нахождения здесь башни или стены, и только в 372 м к югу от этой улицы открылись остатки очередного фундамента (№ 22). Отдельные куски известняковых плит, выступающие в различных положениях, тянутся в этом месте на большом расстоянии (в 30 м).

Следующей башней, проездной (№ 23), была та, от которой хорошо сохранились стены и которая всем известна, это — пролом вала при окончании ул. Желябова (бывш. Прусской). Промеры здесь были сделаны краеведами еще при производстве раскопок и дали длину стены, равную 8,5 м. Нужно сказать, что за последние 10—15 лет стены сильно разрушились и продолжают осыпаться, отчего и размер здесь меньше, чем у других башен, и, быть может, несколько ошибочен в сторону уменьшения действительных размеров прежней ширины стены башни.

Следующий фундамент обнажен довольно ясно и позволяет произвести измерения, дающие в результате 9 м. Эта башня отстояла от края дороги нынешней улицы Бебеля (бывш. Мало-Власьевской) на 210,5 м (№ 24). Наконец, на последнем участке вала, ограниченном улицами Бебеля и Пролетарской, имеются еще два фундамента: один находится от первой из названных улиц на расстоянии 250 м (№ 25); он находится почти напротив улицы Чернышевского (бывш. Больш. Власьевской). Четких границ здесь не найти; для этого требуется большая работа по обнажению фундамента. Выступающие же на поверхности вала камни и плиты тянутся на протяжении 30 м, что говорит о наличии на этом месте не только башни, а также и каменной стены с башней. Камни и известняк не идут сплошь, а имеют перерыв: приблизительно в середине промеренной

площади имеется чистое место, и промежуток этот имеет в ширину 9 м. Объяснить это воротами в остроге с проездной башней едва ли допустимо, так как ворота не могли быть столь большой ширины. Второй остаток фундамента, в виде выступающих плит, находится в отломом обресе вала у дороги в Пролетарскую слободу, в 30 м от „Белой“ башни в западном направлении (№ 26).

Последней сохранившейся почти целиком башней в этой цепи внешних укреплений, является „Белая“ башня. В имеющейся литературе нет точных данных о ее размерах, а потому здесь были также произведены некоторые предварительные промеры. Окружность башни по наружной стороне равна 53,6 м, диаметр 15,45 м. Высота (современная) башни осталась незамеренной. Толщина стены равна 2,2 м. Это единственное дошедшее до нас укрепление древнего Новгорода (внешнего „большого“ города) настоятельно требует детального обследования и съемки точного поэтажного плана (№ 27).

В XIX в. по различным источникам было составлено топографическое описание древнего города В. С. Передольским и И. И. Красовым. Последний из них работал главным образом над исследованием местоположения Новгорода и внутренней его планировки. Поэтому на плане, сделанном по данным Красова, где, повидимому, главной целью было возможно точное нанесение улиц древнего Новгорода и давно уже исчезнувших церквей и монастырей, к сожалению, внешнего вала Торговой стороны совершенно не показано. Вал Софийской стороны нанесен, но на нем только 5 башен, включая в это число и „Белую“ башню. За исключением последней, остальные показаны, повидимому, как проездные. Этот план вычерчен приблизительно в одном масштабе с планом 1611 г., хотя многие детали города не вполне совпадают.

Путем простого наложения этих планов одного на другой, хорошо расшифровывается и некоторая неясность планировки улиц на шведском плане. Этот путь помогает выяснить также и местонахождение башен. Проездная Прусская башня на планах совпадает; следующей должна идти к северу башня против ул. Толстого. Как было сказано выше, следов этой башни не найдено. Так как современный пролом вала здесь очень широк, то очень возможно, что бывшая как раз по середине нынешней мостовой башня уничтожена целиком. Наконец, метод наложения планов как будто указывает, что №№ 16 и 17 на приложенном схематическом плане должны слиться в один номер. Здесь, повидимому, была стена с проездной башней,

к которой подходили две улицы древнего Новгорода — Янева и Розважа. Желательно было бы в дальнейшем вышеизложенную работу уточнить в следующем: все промеры вести только от двух точек по одной на каждой стороне города; в фундаментах необмеренных произвести неглубокие очистки их и по обложению найти точки для измерения, и, наконец, нанести все фундаменты, в точном масштабе на план города, а не в виде схемы его, чем пришлось ограничиться сейчас.

В заключение мне хочется коснуться еще одного вопроса, который можно считать теперь разрешенным. Как упоминалось неоднократно, материалом для фундаментов, а равно и самих башен, служили валуны, булыжник, но главным образом известняк, который вытесывался плитами различной величины и толщины.

В дореволюционной литературе по древнему Новгороду мы не находим указаний, откуда новгородцы брали строительный материал как для сооружения укреплений, так и для постройки гражданских и церковных зданий. Вопрос этот не привлекал к себе интереса и вовсе не затрагивался исследователями.

Ближайшие окрестности Новгорода не могли дать данный стройматериал. Следовательно он был привозным.

Ряд экспедиций Новгородского музея, как самостоятельных, так и совместных с краеведами, помог разрешить этот вопрос.

Но еще задолго до того, материал внешнего вала, стен Детинца и его насыпи привлек к себе внимание члена Новгородского Краеведческого общества М. П. Мантейфель (ныне покойной). Ею в течение ряда лет была собрана коллекция окаменелостей из известняка, служившего основным материалом для сооружений. Взяты были не только в большом количестве отдельные остатки животных организмов, но и образцы пород, где они залегали. В результате продолжительных сборов были добыты почти все представители Силурийской эпохи и частью Девонской, которые могли сохраниться в этих осадочных напластованиях далекого прошлого земли. Это были различные формы плеченогих (*Brachiopoda*), пластинчатожаберные и головоногие моллюски, коралловые полипы и древнейшие иглокожие — морские лилии.

Большая часть добытого материала была точно определена.

Укажем на находки следующих форм. Из животных остатков Силура имеем морскую лилию *Botryocrinus decadactylus*, из брахиоподов — *ortis parva*, *ortis obtusa*, а также

в небольшом числе формы, называемые ортизиной и порамбонитом; из кораллов своеобразную по строению монтркулипору и формы, близкие к современному кораллу — мадрепора. Девоиские известняки в своих отложениях позволили найти многочисленные красивые, но мелкие кольца морской лилии — *Cyprinoscrinus staccus*; из коралловых полипов три формы — *Syathophyllum caespitosum*, *S. vesiculosum*, *Aulopora tubaeformis*; из плеченогих разнообразные раковины: *Spirifer Verneulli*, *Sp. carinatus*, *Sp. Hercyniae*, *Stringocephalus Burtini* и интересные *orthoetes umbraculum*; из головоногих — *Climena undulata* и представителей *Goniatites* (точно вид не определен). Редко и единично были даже найдены обломками сигарообразные скелеты белимитов и мелкие граптолиты — „писанные камни“, принадлежащие к классу гидромеудз и оставившие следы в породе в виде оригинальных штриховых рисунков, от своих хитиновых скелетов. Кроме того в извести, которой новгородцы скрепляли отдельные плиты и камни при кладке внешнего города и вала Детинца, стен и башен, было найдено много раковин современных нам улиток — лужанок (*Vivipara vera*) и несколько экземпляров другого вида — катушки роговой (*Planorbis corneus*).

Уже тогда, при собирании коллекции, было обращено внимание на то, что известняк, шедший на постройку, не совсем однородный.

С одной стороны нынешний городской вал в остатках фундаментов, Кремлевская стена (главным образом с юго-западной и северо-восточной части) и часть случайно попавших в обзор окрестных церквей (на Синичьей горе, в Аркаже, на Рождественском кладбище) имели красный от окислов железа известняк, в котором в громадном количестве преобладали окаменевшие раковины брахиоподов. С другой стороны, восточная часть вала Кремлевской стены, башня Кокуй и некоторые другие объекты обследования имели в себе строительным материалом светлые известняки, с остатками пластинчато-жаберных моллюсков и кольцами разных видов морских лилий. В свое время для разрешения заинтересовавшего вопроса о месторождениях известняка, пошедшего на постройку древнего „каменного города“ был сделан запрос Историческому музею, но тогда он остался неразрешенным. Позднее поставил этот вопрос перед музеем проф. Чернышев, заинтересовавшийся известняками в ином отношении. Порода эта оказалась продуктом, из которого новгородцы добывали красную краску для фресковой живописи (см. Материалы и исследования Новгородского музея, вып. II).

Рядом экспедиций и отдельных выездов музея и краеведческого об-ва месторождения известняков были найдены на юго-западном и южном побережьях Ильменя, в Старорусском р-не, близ селений Ретле, Буреге, Пустош, Коростынь. Это был так называемый „глинт“, т. е., обрывы древнего морского берега времен Силура и Девона. Были привезены многочисленные образцы, которые при позднейшем сличении с образцами, собранными М. П. Мавтейфель со стен Кремля и вала, оказались совершенно тождественными как в строении, окраске и плотности, так и в видовом и количественном составе окаменелостей. При этом нужно добавить, что выходы красных известняков, главным образом, имеются у деревни Ретле, Буреге и более отмечены у Коростыни и несколько севернее этого села. Именно с этих мест и черпали повгородцы строительный материал, доставляя его удобным водным путем к Новгороду по Ильменю и Волхову. Для более ранних сооружений брался Ретленский ракушняк, для более поздних — залегающий севернее.

Находки раковин-лужанок в извести говорят как будто с достоверностью о том, что при кладке каменного Кремля ров уже существовал определенное время. Из него бралась вода для раствора извести, а вместе с нею захватывалось много указанных пресноводных улиток. Последние в р. Волхове почти не водятся, они обитают в глубоководных врезанных в сушу мелких речных заливах, а главным образом в прудах, не сильно заросших жесткой водной растительностью. По свидетельству проф. Чернышева Силурийский и Девонский известняк, как строительный материал, был забыт повгородцами с XV в. В поздних сооружениях известняк был обнаружен автором этой статьи только в глубоком фундаменте памятника 1812 г. Был ли он привезен для кладки с берега Ильменя или попал сюда после разрушения какой-нибудь древней постройки в самом городе, сказать, конечно, трудно.